

А. В. Чудинов

ВЗЯТИЕ БОНАПАРТОМ АЛЕКСАНДРИИ 2 ИЮЛЯ 1798 г.: КОНФЛИКТ ИДЕОЛОГИИ И РЕАЛЬНОСТИ*

doi: 10.30759/1728-9718-2024-4(85)-24-33

УДК 94(44)“1798” ББК 63.3(4Фра)521.11

Статья посвящена истории взятия Александрии французами 2 июля 1798 г. — событию, которому исследователи Египетского похода Бонапарта обычно не уделяют большого внимания. Между тем это был первый эпизод практической проверки на египетской земле того идеологического лозунга «освобождения народов от тиранов», под прикрытием которого революционная Франция проводила свои завоевания и который Бонапарт попытался использовать также и на Ближнем Востоке. Однако здесь эта идеология не выдержала соприкосновения с реальностью. Считая необходимым сначала захватить город, а уже потом объяснить его жителям, что на самом деле их «освободила», Бонапарт даже не попытался вступить в переговоры и бросил свои войска на штурм мирного города, где они устроили жестокую бойню тех самых египтян, которых якобы пришли освобождать. И хотя после этого местным жителям было объявлено, что французы на самом деле воюют не с ними, а с мамлюками, изменить отношение египтян к оккупантам это уже не смогло. Все три года французской оккупации мусульмане Египта питали непреходящую ненависть к пришельцам и вели против них народную войну, ставшую одной из причин конечного краха затеянной Бонапартом экспедиции.

Ключевые слова: *история Нового времени, Египет, Франция, Французская революция XVIII в., Египетский поход Бонапарта, мусульмане*

Египетский поход Бонапарта 1798–1801 гг. хронологически относится к периоду Революционных войн Франции, однако занимает в их истории совершенно особое место. Если в Европе Французская Республика вела завоевания под лозунгом «освобождения народов от тирании» правителей,¹ который находил в других странах отклик у определенной части местных элит, увлеченной идеями Просвещения и видевшей во французах своих единомышленников,² то, отправляясь в Египет, французские войска вторгались на территорию абсолютного господства традиционной культуры, не тронутую влиянием Просвещения. Тем не менее флер «освободительной» риторики решено было использовать и здесь.

¹ Подробнее см.: Бovyкин Д. Ю., Чудинов А. В. Французская революция. М., 2020. С. 158–161.

² См., напр.: Митрофанов А. А. Мятежная Савойя: от «великой ферментации» до французской оккупации. 1791–1792 гг. По материалам АВПРИ // Французский ежегодник. 2018. Т. 51. С. 78–92; Зайцева Д. В. Французы в Неаполитанской республике 1799 г. // Французский ежегодник. 2023. Т. 56. С. 97–115.

Чудинов Александр Викторович — д.и.н., г.н.с., Саратовский национально-исследовательский государственный университет (г. Саратов); Институт всеобщей истории РАН (г. Москва)
E-mail: tchoudin@mail.ru

* Статья подготовлена за счет гранта Российского научного фонда, проект № 20-18-00113 «Человек на войне: антропология военной истории Наполеоновской эпохи» (рук. А. В. Гладышев)

Ш. М. Талейран, министр иностранных дел Франции, составивший и предложивший правительству Директории Республики подробный план завоевания Египта, опирался на сведения, полученные от французского консула в этой стране Ш. Кс. Магаллона. У того, однако, за время пребывания в Египте сложилось несколько преувеличенное представление о глубине противоречий между различными слоями египетского общества, и по его подсказке Талейран предложил сыграть на этих противоречиях. Он посоветовал закамуфлировать сугубо завоевательный поход под карательную экспедицию, направленную якобы против одних лишь мамлюков,³ фактических правителей Египта, допустивших притеснение французских торговцев. Талейран полагал, что такое объяснение целей похода позволит избежать Франции конфликта с султаном Османской империи, владением которого формально являлся Египет, а также обеспечит французам поддержку со стороны арабского населения страны. «Этот народ ненавидит своих тиранов, — писал Талейран, подразумевая под “тиранами”

³ Мамлюки — военное сословие в Египте периода Средних веков и раннего Нового времени. Их ряды пополнялись юношами-рабами преимущественно с Кавказа. С 1250 г. и до османского завоевания в 1517 г. мамлюкам принадлежала верховная власть в стране. В Османской империи они сохраняли свои привилегированные позиции, а с 1770-х гг. мамлюкские беи вновь стали фактическими правителями Египта, сведя свою зависимость от султана к чисто номинальной.

мамлюков, — но у него недостаточно энергии, чтобы сбросить их иго. Он благословит французов, которые его от такого ига освободят».⁴ Впрочем, на деле никто никого освобождать не собирался, и тот же Талейран в самом начале своего плана с циничной откровенностью объяснил истинную цель экспедиции: «Египет был провинцией Римской империи, он должен стать провинцией Французской Республики».⁵

Бонапарт ухватился за идею подобного идеологического прикрытия своей военной операции, тем более что во время Итальянской кампании «освободительная» риторика действительно дала нужный ему эффект. По его инициативе при штабе Восточной армии было подготовлено и отпечатано на арабском языке обращение к египтянам, которое, считал Бонапарт, должно было обеспечить французам их поддержку или по крайней мере дружественный нейтралитет: «От имени французского народа, опирающегося на принципы свободы и равенства, Бонапарт, верховный главнокомандующий и эмир французской армии, доводит до сведения всех жителей Египта, что с давних пор санджаки,⁶ которые управляют Египтом, унижают французский народ и относятся с пренебрежением к его правам, чиня по отношению к французским купцам различные обиды и злоупотребления. Но час возмездия настал. Вот уже много веков эта клика, состоящая из привезенных с Кавказа и из Грузии рабов, угнетает самую лучшую в мире страну. Но всемогущий Бог, властитель вселенной, повелел, чтобы их государство было уничтожено. Египтяне! Вам было сказано, что я прибыл в эту страну, чтобы уничтожить вашу религию. Но это явная ложь — не верьте ей. Скажите тем, кто распространяет эти слухи, что я прибыл сюда лишь для того, чтобы освободить ваши права из-под власти тиранов, и что я больше, чем мамлюки, поклоняюсь Богу всевышнему и почитаю Пророка его и великий Коран», — и т. д., и т. п.⁷ Оставалось только довести эту декларацию о благих намерениях до сведения самих египтян и убедить их в своей искренности. О том, как Бонапарт попытался сделать это в Александрии — городе, с захвата которого началось завоевание французами Египта, и пойдет речь в этой статье.

⁴ La Jonquière C., de. *L'expédition d'Égypte*. Paris, 2003. Т. 1. P. 157.

⁵ Ibid. P. 154.

⁶ Санджак-бей — должность губернатора провинции в Османской империи.

⁷ Абд ар-Рахман ал-Джабарти. Египет в период экспедиции Бонапарта. М., 1962. С. 54.

Историю взятия Александрии исследователи Египетского похода, как правило, достаточно быстро проскакивают, посвящая ей в своих работах от силы одну-две страницы, если вообще не пару абзацев.⁸ Пожалуй, только французский военный историк начала XX в. К. Ла Жонкьер уделил данному эпизоду значительное внимание, опубликовав в своем фундаментальном труде официальные реляции французских офицеров и генералов о штурме Александрии.⁹ Опираясь на эти документы и на источники личного происхождения, мы попытаемся выяснить все подробности этого первого контакта двух миров — исламской цивилизации и революционной Франции, контакта, который не мог не оказать влияния на их взаимоотношения в течение последующих трех лет тесного соприкосновения.

К берегам Египта французский флот с армией Бонапарта на борту подошел 30 июня 1798 г. Отправленный на разведку к Александрии фрегат «Юнона» принес оттуда известие от французского консула о том, что днем ранее к городу в поисках французов подходила английская эскадра Г. Нельсона, после чего опять ушла в море. Бонапарту, который изначально планировал одновременную высадку французских войск в Александрии, Розетте и Дамьетте, пришлось отдать приказ о немедленном, пока вновь не появились англичане, десантировании армии на пляж бухты Марabu примерно в 12 км от Александрии.¹⁰

Подойти близко к берегу кораблям мешали рифы. К тому же эскадре приходилось держаться мористее, чтобы сохранять свободу маневра на случай появления английского флота. Поэтому высадка войск производилась со шлюпок, что затрудняло доставку на берег артиллерии и тех лошадей, что были привезены из Франции. В результате, до захвата Александрии с ее портом, французское командование могло рассчитывать только на пехоту, вооруженную стрелковым оружием.

1 июля в 8 утра командующий эскадрой просигналил кораблям подготовиться к десантированию войск. Бонапарт, в свою очередь, отдал соответствующий приказ по армии, определив

⁸ См.: Laurens H. *L'expédition d'Égypte 1798–1801*. Paris, 1997. P. 111; Cole J. *Napoleon's Egypt. Invading the Middle East*. Cairo, 2008. P. 22–24; Чандлер Д. *Военные кампании Наполеона*. М., 2011. С. 198; Boudon J.-O. *La campagne d'Égypte*. Paris, 2018. P. 42–44.

⁹ См.: La Jonquière C., de. *Op. cit.* Т. 2.

¹⁰ См.: Ibid. P. 33, 34, 43.

участки высадки для каждой из пяти дивизий.¹¹ Войскам предстояло преодолеть в шлюпках достаточно длинную дистанцию при сильном волнении на море, из-за чего десантирование заняло немало времени. Но Бонапарт торопился, опасаясь, что возвращение Нельсона сорвет все планы.

Высадка началась 1 июля во второй половине дня. Пять дней спустя начальник штаба армии генерал Л. А. Бертье докладывал военному министру, что быстрее всех, в 21 час, до земли добралась часть дивизии генерала Ж. Ф. Мену, которая тут же выдвинулась в сторону Александрии, освободив плацдарм для дивизий генералов Л. Ш. А. Дезе и Ж. Л. Э. Рейнье, прибытие которых, однако, задержалось. Как сообщается в написанном по горячим следам письме Мену своему племяннику, берег был пуст, и только несколько часов спустя на нем показались всадники-бедуины, наблюдавшие с безопасного расстояния за действиями французов. К ночи на пляж пришли шлюпки с солдатами дивизий генералов Ж.-Б. Клебера и Л. А. Бона. К ним около полуночи присоединился и сам главнокомандующий. К тому моменту под его началом собралось 1 800 чел. из дивизии Мену, 900 чел. из дивизии Клебера и 1 200 чел. из дивизии Бона, итого 3 900 чел. С ними Бонапарт решил идти на Александрию, не давая потенциальному противнику подготовиться, тем более что тот уже начал проявлять активность: около часа ночи несколько конных мамлюков, сообщает Мену, атаковали один из патрулей его дивизии и убили капитана Моро.¹² По словам же Бертье, это были не мамлюки, а бедуины.¹³

В 2:30 ночи Бонапарт повел имевшиеся у него войска на восток по перешейку между морем и пересыхающим в это время года озером Марьют. Вдоль моря двигалась колонна Мену, правее нее — колонна Клебера, еще правее — колонна Бона. Сам главнокомандующий шел впереди со стрелками авангарда в сопровождении других офицеров штаба армии. Это было довольно рискованно, и с наступлением дня, отмечает в своем отчете Бертье, авангард был обстрелян бедуинами. Французские стрелки открыли ответный огонь и не дали кочевникам приблизиться, после чего те ушли в сторону Александрии. Вместе с тем несколько отрядов бедуинов появилось и на правом фланге,

угрожая пресечь сообщение этой небольшой армии с теми войсками, что продолжали высадку на пляже Марабу.¹⁴

Лейтенант Ж.-П. Догеро, офицер штаба командующего артиллерией армии, сопровождавший в тот день дивизию Бона, в дневнике, составленном сразу по окончании Египетского похода, так описывает этот марш: «На некотором расстоянии от города мы встретили кавалерию, мамлюков и арабов. Какое-то время они гарцевали перед нами и ретировались, когда увидели, что их вольтижировка не производит на нас никакого впечатления, и мы без единого ружейного выстрела продолжаем двигаться вперед. Армия двигалась в боевом строю с Бонапартом во главе».¹⁵

Лейтенант П. Пеллепор из дивизии Бона отмечал, что некоторые из французов даже попали к бедуинам в плен: «Во время нашего марша на Александрию бедуины не переставали фланкировать наши колонны. Они захватывали отстающих, слуг, кантиньерок, одним словом, тех, кто не в строю...»¹⁶ Пленением дело не ограничивалось. Лейтенант Шальбран, тоже из дивизии Бона, много лет спустя вспоминал: «Несколько отставших и шедших в одиночку солдат были убиты или захвачены этими бедуинами, которые не переставали преследовать наши колонны, держась от них, однако, все время на расстоянии».¹⁷

П. Милле, солдату дивизии Клебера, больше запомнились физические тяготы перехода: «Вся армия шла пешком: и генерал [Бонапарт], и другие. Стояла сильнейшая жара. Несколько арабов попытались помешать нашему маршу, но тщетно».¹⁸ О том же вскоре после перехода написал отцу и лейтенант Л. Ж. И. Тюрман, офицер инженерных войск, прикомандированный к штабу армии: «Яркий свет луны в три часа пополудни придавал ландшафту сходство с нашим, когда в сельской местности выпадает снег. И действительно, если бы не жара, сильная даже ночью, можно было бы спутать одно с другим. Проснувшись жажда; наш хлеб был съеден, вино и вода выпиты. Мы посреди пустыни в окружении недругов, и все они верхом. Солнце поднялось

¹⁴ См.: Ibid. P. 46, 47.

¹⁵ Doguereau J. P. Journal de l'expédition d'Égypte. Paris, 1997. P. 11.

¹⁶ Pelleport P. Souvenirs militaires et intimes du général Vte de Pelleport, de 1793 à 1853. Paris, 1857. T. 1. P. 114.

¹⁷ [Chalbrand, colonel.] Les Français en Égypte, ou souvenirs des campagnes d'Égypte et de Syrie, par un officier de l'expédition. Tours, 1875. P. 44.

¹⁸ Millet P., le chasseur. Souvenirs de la campagne d'Égypte. Paris, 1903. P. 42.

¹¹ См.: La Jonquière C., de. Op. cit. T. 2. P. 38, 39.

¹² См.: Ibid. P. 52.

¹³ См.: Ibid. P. 44–46.

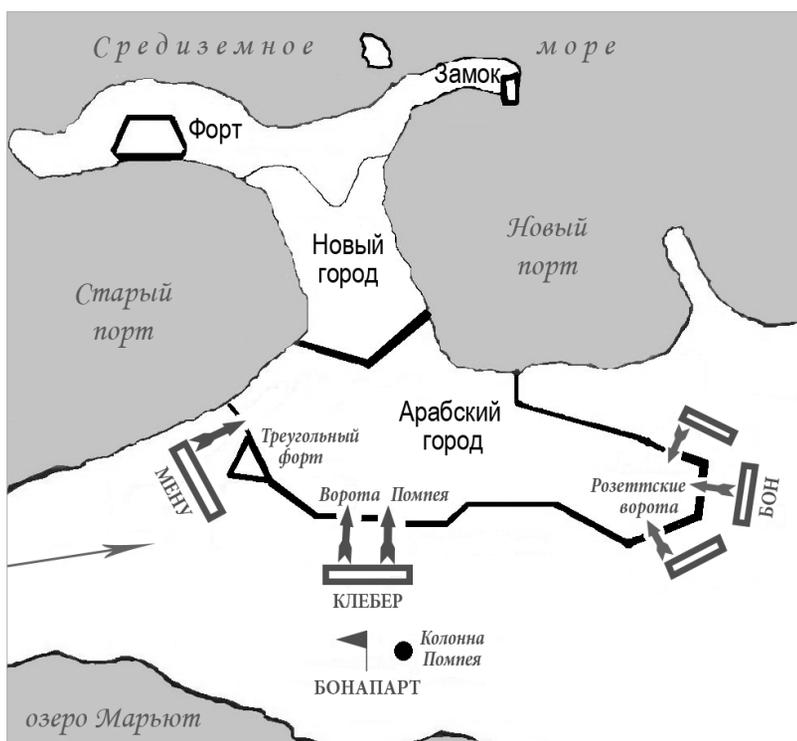

Рис. 1. Штурм французами Александрии 2 июля 1798 г.

над башнями Александрии, видневшимися вддали, — слишком далеко, чтобы нас это утешило. Все говорило о том, что впереди у нас один из тяжелейших дней».¹⁹

Рано утром французы заняли позиции на ближних подступах к Александрии. Войска Мену расположились в песчаных дюнах западнее города; войска Клебера зашли с юга, со стороны так называемой колонны Помпея; отряд Бона — с востока, со стороны Розеттских ворот (см. рис. 1). Бонапарт и его штаб заняли небольшую возвышенность возле колонны Помпея, после чего главнокомандующий отправил офицеров инженерных войск на разведку, чтобы выяснить состояние укреплений города. А оно оставляло желать лучшего. Александрию окружала ветхая, частично осыпавшаяся крепостная стена с башнями. Тем не менее и стена, и башни были заполнены вооруженными горожанами, готовыми оказать сопротивление непрошенным гостям. Их жены и дети непрерывным криком поддерживали боевой дух своих защитников. У оборонявшихся имелись немногочисленные артиллерийские орудия (согласно Бертье, два или три), из которых те произвели несколько выстрелов в сторону французов, не нанеся им, правда, никакого ущерба.²⁰ Солдатам же Бонапарта, отмечает До-

геро, оставалось рассчитывать только на свои ружья: «Враги занимали укрепления и башни стены. Кавалерия ушла в пустыню и находилась у нас за спиной. Мы не имели артиллерии. Те немногие орудия, которые мы выгрузили, не могли быть доставлены сюда из-за отсутствия лошадей. Невозможно было протаскать пушки на руках через пески и холмы, по которым мы шли».²¹

На стенах и башнях Александрии перед Бонапартом находились египтяне — не мамлюки, которых он официально объявил своим единственным противником, а именно египтяне, которых он, согласно своему плану, собирался убедить в собственной «освободительной» миссии. Но до убеждения дело так и не дошло. Бертье в докладе министру не слишком уверенно сообщает о желании Бонапарта вступить в переговоры с защитниками города, но ничего не говорит о том, воплотилось ли это желание в практические шаги: «Главнокомандующий хотел бы провести переговоры, чтобы избежать штурма и его последствий. Но он не смог заставить выслушать себя. Ему пришлось (*il fallut*) принять решение атаковать тех, кого он хотел бы сделать своими друзьями».²² Интересно, что сам Бонапарт в мемуарах о Египетском походе даже не упоминает о какой-либо

¹⁹ [Thurman L.] *Chroniques égyptiennes*. Cahors, 2013. P. 34.

²⁰ См.: La Jonquière C., de. Op. cit. P. 47.

²¹ Dogueureau J. P. Op. cit. P. 11.

²² La Jonquière C., de. Op. cit. P. 47.

своей попытке вступить в переговоры. И это при том, что во многих других местах он старательно убеждает читателей в своей уникальной способности находить общий язык с местным населением!

Большинство очевидцев и участников взятия Александрии, оставивших об этом событии свои свидетельства, так же не сообщает о каких-либо попытках или хотя бы намерениях Бонапарта вести переговоры с осажденными. Исключения весьма немногочисленны. Так, в воспоминаниях полковника Шальбрана (во время Египетской кампании лейтенанта) утверждается, что Бонапарт перед штурмом послал в город парламентаров, но их там якобы не захотели выслушать.²³ Однако Шальбран в составе дивизии Бона находился в тот момент у Розеттских ворот и не мог видеть, что предпринимает главнокомандующий, расположившийся со штабом у колонны Помпея. Штабной артиллерийский офицер Ш. Ришардо и солдат дивизии Клебера Ж.-К. Васелер говорят в своих мемуарах если не об отправке парламентаров, то о желании Бонапарта вести переговоры. Так, Ришардо много лет спустя утверждал, что «главнокомандующий хотел отправить парламентаря, когда со стены началась оживленная ружейная пальба, сопровождаемая несколькими выстрелами из единственного 3-фунтового орудия». Правда, сделанное тут же уточнение, что артиллерийский огонь велся слева, из башни, расположенной у порта, и что сам Ришардо смог потрогать прилетевшее оттуда ядро, показывает, что он находился в тот момент на левом фланге, в дивизии Мену, и тоже не мог знать, что делает или собирается делать Бонапарт.²⁴ И уж тем более не мог что-либо знать о «расположенности главнокомандующего к переговорам»²⁵ простой солдат Васелер, готовившийся с однополчанами идти на штурм города. Скорее всего, тема переговоров в воспоминаниях этих авторов прозвучала как эхо уже опубликованного к моменту создания их мемуаров и ставшего широко известным описанием Египетской кампании все тем же Бертье, где бывший начальник штаба Восточной армии уже более определенно, чем в вышеупомянутом отчете министру, заявил, что главнокомандующий «был располо-

жен вести переговоры», но «пугающий крик» мужчин и женщин со стен города, а также пушечные выстрелы с той стороны «вынудили» его прибегнуть к оружию.²⁶ Как видим, дальше благих намерений у Бонапарта дело не пошло. В 10 часов утра он дал сигнал к наступлению, и солдаты всех трех дивизий бросились на штурм Александрии.²⁷

Дивизия Мену, двигаясь вдоль моря под прикрытием больших песчаных дюн, смогла незаметно приблизиться к крепостной стене до расстояния в почти 500 м. Перед штурмом офицеры инженерных войск провели здесь рекогносцировку. Руководивший ими шеф бригады²⁸ Н. А. Сансон, составивший на следующий день подробный письменный отчет о своих действиях, обнаружил по фронту наступления дивизии Мену три слабых пункта городских укреплений. Во-первых, ближний к морю полуразрушенный форт, в стене которого образовалась брешь, имевшая удобные подходы. Во-вторых, саму куртину,²⁹ стыки между камнями которой выветрились настолько, что по ним можно было вскарабкаться на стену, как по лестнице. И в-третьих, большую брешь, образовавшуюся в центре соседней куртины. Чувствуя слабость своей обороны в этом месте, защитники города, отмечает Сансон, разместили здесь единственное из имевшихся у них орудий, огонь из которого, однако, не нанес французам никакого вреда. Сансон доложил Бонапарту о ситуации на данном участке, и главнокомандующий отдал через него приказ генералу Мену о наступлении.³⁰

Как сообщается в отчете самого Мену, написанном два дня спустя, штурм города был произведен солдатами его дивизии достаточно быстро и четко. Справа шли полтора батальона 13-й линейной полубригады под командой генерала О. Вьяля. В центре сам Мену вел на приступ полтора батальона солдат 13-й и 69-й линейных полубригад. И наконец, левый фланг составляла 22-я легкая полубригада под командованием генерала А.-Ж. Во. Под интенсивным ружейным огнем, а с приближением к стене и под градом сыплющихся сверху камней,

²⁶ Berthier L. A. Mémoires du Maréchal Berthier. Paris, 1827. Pt. 1. P. 5.

²⁷ См.: La Jonquière C., de. Op. cit. P. 52.

²⁸ Шеф бригады — воинское звание в армии революционной Франции, соответствовавшее званию полковника.

²⁹ Куртина — прямой крепостной вал (в данном случае стена) между двумя бастионами.

³⁰ См.: La Jonquière C., de. Op. cit. P. 50.

²³ См.: [Chalbrand, colonel.] Op. cit. P. 45.

²⁴ См.: Richardot (Ch.), le lieutenant-colonel. Nouveaux mémoires sur l'armée française en Égypte et en Syrie. Paris, 1848. P. 24.

²⁵ Vaxelaire J.-C. Mémoires d'un vétéran de l'ancienne armée (1791–1800). Paris, 1900. P. 65.

центр и правый фланг дивизии прорвались в город через две упомянутые бреши, а левый и так захватил полуразвалившиеся укрепления с примыкавшей к морю стороны крепости.³¹

В ходе штурма Мену, находившийся в боевых порядках своих войск, получил контузии. Бертье в отчете военному министру так описывает этот момент: «Генерал Мену, идя на приступ, попал под град камней, из-за чего упал с высоты крепостной стены. У него только контузии, и не опасные».³² По словам же артиллерийского офицера Ришардо, свои контузии Мену получил и вовсе без участия неприятеля, а из-за «падения стены, которую обрушили находившиеся под его командой солдаты».³³

Дивизии Клебера пришлось решать значительно более сложную задачу. В полосе ее наступления брешей не оказалось. Как сообщает в отчете о штурме военный инженер, шеф батальона³⁴ Ж.-Б.-Н. Суэ, дивизия была построена в две линии. Первый эшелон составляла 75-я линейная полубригада. Ее солдаты и офицеры пошли на приступ, рассчитывая взломать ворота Помпея, находившиеся в мертвой зоне обстрела со стен, или же пробраться через замеченные в стене трещины (*ébrèchements*). Ворота саперы стали рубить топорами, что заняло некоторое время. Трещины же оказались непроходимыми. Пришлось под ружейным огнем неприятеля искать другую возможность проникнуть в город. Заметили небольшую дыру в стене, куда можно было просунуть только голову, и саперы принялись расширять ее киркой. Солдаты, прикрывая их, вели снизу плотный огонь по неприятелю, не подпуская того к краю стены. В результате дыру расширили так, что туда смог протиснуться человек. Первым пошел один из гренадеров, затем несколько старших офицеров. Им удалось закрепиться на стене. Египтяне (Суэ именует их «турками», так французы в Египте называли всех мусульман) отступили в находящиеся за ней сады. Тем временем французы сделали из трехцветного шарфа знамя и подняли его, что вызвало у них всплеск воодушевления. Один за другим в город просочилась уже целая рота. Генерал Ф. Е. Дама во главе нее выбил неприятеля из садов. Однако дальше, отмечает Суэ,

возникли проблемы: «Победоносные войска без труда проникли в город, но там по ним открыли огонь со всех сторон. Варвары из окон безжалостно убивали солдат, чье великодушие и дисциплинированность не позволяли им дать волю своему раздражению. Мы отошли из города, чтобы избежать бесполезного кровопролития. Однако поступил приказ вернуть себе ранее завоеванное, и войска рассеялись по улицам, приложив немало усилий, чтобы заставить [противника] прекратить огонь. В этой атаке по центру мы потеряли тридцать человек, в основном смертельно ранеными. Клебер и его генерал-адъютант Эскаль, рвавшиеся вперед очертя голову, получили огнестрельные ранения: первый в лоб, второй в руку».³⁵

Бонапарт в донесении Директории так описал момент ранения Клебера, которое произошло, скорее всего, у него на глазах, поскольку наблюдательный пункт главнокомандующего находился позади боевых порядков этой дивизии: «Генерал Клебер у подножия стены указывал своим гренадерам на то место, куда он хотел, чтобы они поднялись, но получил в лоб пулю, опрокинувшую его на землю. Рана его, хоть и чрезвычайно тяжела, но не смертельна».³⁶ Очевидно, пуля находилась уже на излете, что и спасло Клеберу жизнь.

Из позднейшего отчета генерала Ж. Ланна Клеберу следует, что, пока 75-я полубригада на своем участке наступления пыталась прорваться сквозь стену, солдатам 25-й линейной полубригады, входившей в ту же дивизию, пришлось рядом с ними на стену карабкаться. С этим они, впрочем, успешно справились и отбросили неприятеля.³⁷ В памяти Васелера, солдата дивизии Клебера, этот момент боя запечатлелся следующим образом: «Бонапарт приказал дать сигнал об атаке. Крики [за стеной] удвоились с новой яростью. Тем не менее, мы двинулись к стене, намереваясь на нее взобраться, невзирая на огонь осажденных и град камней. Генералы и солдаты лезли вверх с одинаковой отвагой. Вскоре стены оказались заполнены французами. Осажденным пришлось отступить и уйти в город».³⁸

Милле отмечает роль генерала Ж. А. Вердье, фактически возглавившего штурм с этой стороны после ранения Клебера: «Командир в числе первых начал карабкаться вверх. Это

³¹ См.: Ibid. P. 51.

³² Ibid. P. 48.

³³ Richardot (Ch.), le lieutenant-colonel. Op. cit. P. 25.

³⁴ Шеф батальона — первый чин старшего офицерского состава в пехоте, аналог звания майора.

³⁵ Ibid. P. 53, 54.

³⁶ Bonaparte N. Correspondance générale. Paris, 2005. T. 2. P. 175, 176.

³⁷ См.: La Jonquière C., de. Op. cit. P. 52, 53, note 2.

³⁸ Vaxelaire J.-C. Op. cit. P. 65.

сделать было достаточно просто по камням, из которых была сложена стена, хотя и [пришлось лезть] весьма высоко. Когда первые поднялись на стену, они помогли другим, и таким образом мы смогли войти в город. Саперы, поднявшиеся первыми, открыли ворота ударами топора».³⁹

Дивизии Бона, которой был отведен самый дальний участок наступления — у Розеттских ворот, пришлось проделать наиболее продолжительный путь вокруг города и, как отмечается в написанном день спустя рапорте военного инженера, шефа батальона Ж.-Ф. Детруа, вступить в бой практически с марша. Дивизия шла тремя колоннами. Правая из них была вынуждена находиться все время в готовности к отражению возможной атаки со стороны бедуинов, сопровождавших ее и нападавших на отстающих солдат. С приближением дивизии к городу отряд бедуинов оставил ее и отступил в близлежащую пальмовую рощу. «Три колонны, — сообщает далее Детруа, — пересекли дорогу, идущую от ворот Седра, когда по левой из них, наиболее близкой к городу, был открыт достаточно интенсивный ружейный огонь. Эта стрельба стала сигналом к соединению трех колонн, которые выдвинулись к контрэскарпу⁴⁰ и ускоренным шагом направились к Розеттским воротам, ружейным огнем не позволяя высовываться арабам, укрывшимся в башнях. Вскоре многочисленные добровольцы вскарабкались на стену и обратили неприятеля в бегство. Именно при организации этих небольших отрядов и был смертельно ранен старший офицер 32-й [линейной] полубригады. На подступах к Розеттским воротам шла непрерывная перестрелка. Несколько саперов тщетно попытались взломать ворота (они, говорят, были открыты немного позже). Пришлось ограничиться тем, чтобы ружейным огнем по бойницам держать противника на расстоянии от них. Два артиллерийских орудия очень небольшого калибра были установлены в городе на выгодной для неприятеля возвышенности. Шеф батальона Детруа с несколькими гренадерами взобрался на стену, чтобы захватить эти пушки, но они оказались в нерабочем состоянии».⁴¹

Старшим офицером 32-й полубригады, получившим смертельное ранение, был шеф

бригады Ж. Мас. О том, как это произошло, рассказал позднее в своих мемуарах Ф. Виго-Руссильон, в то время сержант этой полубригады: «32-я имела честь идти во главе колонны, наступавшей на старую стену. Я забрался на стену одним из первых. Я подал руку г-ну Масу, второму полковнику⁴² полубригады, когда вдруг какой-то турок, которого я не видел, выскочил из-за стены и убил полковника прямо рядом со мной».⁴³

Лейтенант Тюрман, отправленный из штаба армии в дивизию Бона, потом в письме отцу тоже сообщал о том, что на исходную для штурма позицию их войска выходили, тесня перед собой конных бедуинов, отряд которых затем ушел из-под стен Александрии по дороге на Каир. О самом же штурме Тюрман рассказывает так: «Мы услышали орудейный выстрел и оживленную ружейную пальбу. Это свидетельствовало о том, что остальные дивизии пошли на приступ. Мы направились к воротам и взломали их ударами топора, поскольку пушек у нас не было: их еще не выгрузили с кораблей. Наши войска проникли здесь в город, и мы с генералом продолжили движение по стенам крепости под огнем с башен и из проломов в стенах [домов]. Мы стремились добраться до берега моря, и нам это удалось. И только лишь в городе нас поджидали предатели (*traîtres*): они с высоты своих террас и из окон вели по нам ружейный огонь в упор. Один из офицеров был раздавлен пушкой, которую они сбросили с верхушки башни...»⁴⁴

Лейтенант Пеллепор из 18-й линейной полубригады позднее в своих воспоминаниях особо подчеркивал, что французам противостояли не профессиональные воины, а всего лишь городская полиция (янычары) и простые горожане: «Дивизия Бона вскоре прибыла к Розеттским воротам. Они были взломаны саперами 4-й легкой полубригады, в то время как 18-я, пройдя дальше, нашла слабозащищенную брешь, которую и захватила. В этом бою нам пришлось сражаться лишь с янычарами, осуществлявшими в Александрии полицейские функции, и с людьми, не имевшими предводителей и стихийно вставшими на защиту стены в силу своего религиозного рвения».⁴⁵ О доста-

³⁹ Millet P., le chasseur. Op. cit. P. 43.

⁴⁰ Контрэскарп — ближайшая к нападающему сторона рва.

⁴¹ La Jonquière C., de. Op. cit. P. 55.

⁴² Анахронизм. Звание второго полковника появилось только в армии Империи, заменив звание шефа бригады, существовавшее в период Французской революции.

⁴³ Vigo-Roussillon F. Journal de campagne (1793–1837). Paris, 1981. P. 62.

⁴⁴ [Thurman L.] Op. cit. P. 35, 36.

⁴⁵ Pelleport P. Op. cit. P. 114.

точно скромных силах защитников Александрии свидетельствует и Виго-Руссильон: «Ее обороняли лишь немногочисленные турецкие янычары, экипажи судов той же нации и некоторое количество арабов».⁴⁶

После того как крепостные стены были захвачены на всех трех направлениях, а обороняющиеся отступили внутрь старого (Арабского) города, для французов наступил решающий момент. Бонапарт явно не оставил мысли предстать перед египтянами в роли «освободителя», а потому дал своим подчиненным приказ воздержаться от грабежей и насилия, обычно практиковавшихся при взятии города штурмом. Об этом упоминают многие участники взятия Александрии. Вот, к примеру, что пишет штабной офицер Догеро: «Главкомандующий запретил грабеж, и, хотя этот город вынужден был подчиниться закону завоевания, с ним обошлись с высочайшим великодушием».⁴⁷

Однако благие намерения столкнулись с грубой реальностью. Воодушевленные захватом стен, французские солдаты, вопреки приказу Бонапарта, рванулись за отступающим неприятелем в узкие улочки старого города, где оказались под плотным ружейным огнем. Генерал Бертье докладывал потом военному министру Франции: «Главкомандующий прибыл на возвышенность, находящуюся у Старого порта и доминирующую над городом и гаванью; туда он намеревался собрать всю свою армию, чтобы заставить врага капитулировать. Но упорство и террор осажденных пробудили азарт в наших войсках, часть которых вошла в город и устроила там смертоубийственную пальбу».⁴⁸

Использованное Бертье, а следом за ним и еще некоторыми авторами выражение «смертоубийственная пальба», очевидно, служило эвфемизмом для обозначения того массового убийства мирных жителей, о котором повествуют другие источники. Милле так описывает события в старом городе после вступления туда французов: «Все бежали от нас, одни бросались в море, где несколько человек утонуло, другие укрылись в форте. Вскоре над некоторыми домами были подняты флаги; появи-

лось немало триколоров. Мы полагали, что город уже взят, и были очень удивлены тем, что, когда мы проходили мимо мечети (места, предназначенного для их молитв), по нам оттуда выстрелили из ружья. Находившийся рядом генерал приказал взломать дверь и не щадить никого, кто окажется внутри. Мужчины, женщины и дети — почти все они пали под нашими штыками. Но когда гуманность взяла верх над мстостью и раздался призыв к милости, резня прекратилась. От нее спаслась примерно треть [находившихся в мечети людей]».⁴⁹

Показания Милле подтверждаются рассказом генерал-адъютанта Буайе в письме родителям от 28 июля 1798 г. Жители Александрии, сообщает он, «теснимые со всех сторон искали защиты у своего Бога и своего Пророка; они заполнили мечети; мужчины, женщины, старики, юноши и дети — все были перебиты. Только через четыре часа наши солдаты утолили свою ярость, и в городе наступило спокойствие...»⁵⁰

Вероятно, именно для того, чтобы прекратить бесчинства своих солдат, Бонапарт и приказал устроить общий сбор, о чем сообщают многие участники тех событий. После того, как он собрал войска на господствующих высотах у Старого порта, были отправлены парламентареры к именитым людям города — губернатору Кораиму, имамам и шейхам, чтобы сообщить: французы им не враги, они воюют против мамлюков, а не против египтян. Это дало эффект: последние защитники Александрии, державшие оборону в Треугольном форте и форте Маяка, к концу бесконечно долгого дня 2 июля сложили оружие.⁵¹ Город перешел под власть французов.

Сведения о потерях Восточной армии при завоевании Александрии сильно разнятся. Бертье в отчете министру оценил их в 60 раненых, 15 убитых и около 20 утонувших при высадке в бухте Марабу.⁵² Бонапарт в докладе Директории Франции определил число убитых в 30–40 чел., раненых — в 80–100,⁵³ а в своих мемуарах и вовсе насчитал 300 чел. убитыми и ранеными.⁵⁴ Скорее всего, ближе к реальности именно последнее число, поскольку главный хирург армии Д. Ж. Ларрей, чьей прямой

⁴⁶ Vigo-Roussillon F. Op. cit. P. 62.

⁴⁷ Doguereau J. P. Op. cit. P. 12. См. также: [Thurman L.] Op. cit. P. 36.

⁴⁸ La Jonquière C., de. Op. cit. P. 47. Cp.: Vaxelaire J.-C. Op. cit. P. 65; Campagne de Bonaparte en Égypte et en Syrie écrite sous la dictée d'un officier de la 32e demi-brigade. Paris, 1834. P. 16, 17.

⁴⁹ Millet P., le chasseur. Op. cit. P. 44.

⁵⁰ Correspondance intime de l'armée d'Égypte: interceptée par la croisière anglaise. Paris, 1866. P. 46.

⁵¹ См.: La Jonquière C., de. Op. cit. P. 48.

⁵² См.: Ibid.

⁵³ См.: Bonaparte N. Op. cit. P. 176.

⁵⁴ См.: Наполеон Бонапарт. Египетский поход. СПб., 2007. С. 56.

обязанностью было заниматься ранеными, сообщает, что после штурма Александрии их оказалось около 250.⁵⁵ Если сюда добавить убитых, то как раз примерно и получатся такие потери, о каких Бонапарт сообщает в мемуарах.

Подчинив себе Александрию силой оружия, Бонапарт постарался закрепить свое завоевание посредством идеологии. Тем же вечером 2 июля горожан ознакомили с ранее уже упоминавшейся прокламацией об «освободительной» миссии французов в Египте.⁵⁶ 3 июля приказом по Восточной армии строго предписывалось уважать мечети и не мешать мусульманам отправлять их религиозный культ. 4 июля муфтии и главные шейхи Александрии подписали торжественную декларацию, обещав использовать свой авторитет для обеспечения лояльности населения французской армии. 5 июля вожди племени бедуинов, которое атаковало французов на марше к Александрии в первый день их пребывания в Египте, вступили при посредничестве шарифа Кораима в переговоры с Бонапартом, выразили покорность ему, вернули захваченных ранее французских пленных и заключили с французами союз против мамлюков.⁵⁷ Наконец, 7 июля Бонапарт, довольный плодотворным сотрудничеством с Кораимом в предшествующие дни, назначил его перед тем, как отправиться с основными силами армии на Каир, губернатором Александрии.⁵⁸

Судя по тону письма Бонапарта Директории, главнокомандующий торжествовал: ка-

залось, его план убедить египтян в своей «освободительной» миссии увенчался полным успехом. Местные элиты пошли на сотрудничество, племена бедуинов — на союз. Однако на самом деле никакие велеречивые декларации и торжественные клятвы не могли стереть из памяти египтян то, что французы без предупреждения и объявления войны ночью вторглись в их страну и, даже не попытавшись вступить в переговоры, напали на мирный город, устроив бойню тех самых местных жителей, которых они якобы пришли освободить. Поэтому, что бы там имамы и шейхи ни обещали перед лицом превосходящих сил неприятеля, в действительности французы с первых дней своего пребывания в этой стране вызвали у египетских мусульман глубочайшую ненависть. И едва французские колонны углубились в пустыню по пути на Каир, как бедуины, ранее обещавшие им союз, безжалостно атаковали их. А завоевавший симпатию и доверие Бонапарта Кораим стал тайно руководить антифранцузским сопротивлением в провинции Бахирия, за что вскоре был арестован и расстрелян оккупантами.⁵⁹

Все три года пребывания французов в Египте против них шла непрерывная народная война, ставшая одной из главных причин конечного краха затеянной Бонапартом экспедиции. И никакие заверения французов в их «освободительной» миссии не могли ничего изменить. Дела оказались убедительнее любых слов.

Alexander V. Tchoudinov

Doctor of Historical Sciences, Saratov State University (Russia, Saratov); Institute of World History of the RAS (Russia, Moscow)
E-mail: tchoudin@mail.ru

BONAPARTE'S CAPTURE OF ALEXANDRIA ON JULY 2, 1798: THE CONFLICT OF IDEOLOGY AND REALITY

The article is dedicated to the history of the capture of Alexandria by the French on July 2, 1798, to which researchers of Bonaparte's Egyptian campaign usually do not pay much attention. Meanwhile, this was the first episode of practical verification on Egyptian soil of the ideological slogan "liberation of peoples from tyrants", under the guise of which revolutionary France carried out its conquests and which Bonaparte tried to use also in the Middle East. However, here this ideology did not stand the test with reality. Considering it necessary to capture the city first, and only then explain to its inhabitants that they had been "liberated", Bonaparte, without even trying to enter negotiations, threw his troops at a peaceful city, where they staged a brutal massacre of the very Egyptians whom they allegedly came to liberate. And although after that it was announced to the locals

⁵⁵ См.: Larrey D. J. *Mémoires de chirurgie militaire et campagnes*. Paris, 1812. Т. 1. P. 190.

⁵⁶ См.: La Jonquière C., de. *Op. cit.* P. 62–64.

⁵⁷ См.: *Ibid.* P. 65, 66.

⁵⁸ См.: *Ibid.* P. 101–102.

⁵⁹ Подробнее см.: Чудинов А. В. *Забывтая армия. Французы в Египте после Бонапарта. 1799–1800*. М., 2019. С. 47–48.

that the French were fighting not with them, but with the Mamluks, it was no longer able to change the attitude of the Egyptians towards the invaders. During the three years of the French occupation, the Muslims of Egypt harbored an enduring hatred of the aliens and waged a people's war against them, which became one of the reasons for the final collapse of the expedition started by Bonaparte.

Keywords: *history of Modern times, Egypt, France, French revolution, Bonaparte's Egyptian campaign, Muslims*

REFERENCES

- Boudon J.-O. *La Campagne d'Égypte*. Paris: Belin, 2018. (in French).
- Bovykin D. Yu., Chudinov A. V. *Frantsuzskaya revolyutsiya* [The French Revolution]. Moscow: Al'pina-non-fikshn Publ., 2020. (in Russ.).
- Chandler D. *Voyennyye kampanii Napoleona* [The Campaigns of Napoleon]. Moscow: Tsentrpoligraf Publ., 2011. (in Russ.).
- Tchoudinov A. V. *Zabytaya armiya. Frantsuzy v Yegipte posle Bonaparta. 1799–1800* [The Forgotten Army. The French in Egypt after Bonaparte. 1799–1800]. Moscow: Politicheskaya entsiklopediya Publ., 2019. (in Russ.).
- Cole J. *Napoleon's Egypt. Invading the Middle East*. Cairo: The American University in Cairo Press, 2008. (in English).
- Laurens H. *L'Expédition d'Égypte 1798–1801*. Paris: Éditions du Seuil, 1997. (in French).
- Mitrofanov A. A. [Rebellious Savoy: From the "Great Fermentation" to the French Occupation. 1791–1792. On Materials of the Archive of Russian Empire Foreign Policy]. *Frantsuzskiy yezhegodnik* [Annual of French Studies], 2018, vol. 51, pp. 78–92. DOI: 10.32608/0235-4349-2018-1-51-78-92 (in Russ.).
- Zaytseva D. V. [French in Neapolitan Republic of 1799]. *Frantsuzskiy yezhegodnik* [Annual of French Studies], 2023, vol. 56, pp. 97–115. DOI: 10.32608/0235-4349-2023-1-56-97-115 (in Russ.).

Для цитирования: Чудинов А. В. Взятие Бонапартом Александрии 2 июля 1798 г.: конфликт идеологии и реальности // Уральский исторический вестник. 2024. № 4(85). С. 24–33. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-4(85)-24-33.

For citation: Tchoudinov A. V. Bonaparte's Capture of Alexandria on July 2, 1798: the Conflict of Ideology and Reality // Ural Historical Journal, 2024, no. 4(85), pp. 24–33. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-4(85)-24-33.